

Дымка

Джемс Виль

«Дымка» — это лучшее произведение, вышедшее из-под пера выдающегося американского писателя и художника Джеймса Вилля (1892–1942).

Действие повести происходит в Соединенных Штатах начала 20-го века. В те дни, когда жители Америки постепенно пересаживаются из лошадиных седел в автомобильные кресла, в западных степях рождается жеребенок, которому суждено стать одним из лучших ковбойских коней современности, грозой прерий и гордостью хозяина.

Жеребцу Дымке довелось побывать в лапах похитителей, пережить множество приключений и невзгод и наконец, через много лет разлуки, встретиться с другом своей юности — ковбоем Клинтом, продолжающим помнить и нежно любить своего старого скакуна.

Джемс Виль Дымка

I. Жеребенок прерии

Природа была ласкова в тот день, когда маленький вороной жеребенок родился на свет и попробовал упереться длинными шаткими ногами в бурую землю прерии. Короткие стебельки молодой зеленой травы пробивали себе дорогу сквозь свалывшуюся в войлок прошлогоднюю траву. И солнечно, и тихо было в это утро в долине, где родился Дымка.

Тогда его никто не назвал бы Дымкой, потому что он был совсем черным, это имя он получил позже, когда вырос в стройного четырехлетку и стал ходить под седлом. Свет увидал он не в тесном стойле через окна конюшни, и ни одной человеческой души не было при этом, никого, кто присмотрел бы за ним, помог бы ему стать на ноги и сделать несколько первых шагов. Дымка был жеребенком прерий, и в это утро их было только двое: он да его заботливая мать.

Дымке не было еще и часа, когда в нем проснулся интерес к жизни. Весеннее солнце делало свое дело, тепло растекалось по гладкой черной шерстке и впитывалось в тело, так что скоро

уже он поднял голову, уткнулся носом в вытянутые свои передние ноги и принялся их обнюхивать. Мать его была тут же рядом, и, едва он шевельнулся, она коснулась мордой его коротенькой шеи и заржала. При этом звуке Дымка поднял голову еще чуть-чуть выше и заржал в ответ. Ржания не было слышно, видно было только, как у него вздрогнули ноздри. Это было только начало. Еще немного, и его уши заходили взад и вперед, он стал ловить каждый шорох материнского шага. Он все хотел знать, где она.

Потом что-то задвигалось как раз перед ним, в двух шагах от его носа. Сперва Дымка не обратил на это внимания, потому что в глазах у него еще стоял туман. Но когда это «что-то» снова шевельнулось и подвинулось к нему ближе, Дымка вытянул шею и понюхал. Запах ему был знаком, и он успокоился. Это была нога матери. Жеребенок снова насторожил уши и заржал, — на этот раз ему удалось это лучше.

Тут он попробовал встать. Но ноги не слушались его, и едва он приподнял с земли свой живот и сделал маленькую передышку, передняя нога задрожала и подогнулась в колене, весь труд пропал даром.

Дымка полежал на боку и отдышался. Мать заржала, ободряя его, он снова поднял голову и растопырил ноги. Он старался понять, в чем тут

дело. Обнюхал ноги, понюхал землю, прикидывая, как бы приладить одно к другому. Мать ходила вокруг и разговаривала с ним по-своему: то ткнет его мордой, то отойдет в сторонку, стоит и смотрит.

Весенний воздух, который, сдается мне, на пользу всему молодому, немало потрудился, чтоб поднять Дымку на ноги, прогнать с глаз туман и налить его тело силой.

Неподалеку, но все же так далеко, что Дымка не мог их видеть, резвились беломордые телята, носились, высоко вскидывая ноги, из стороны в сторону, бегали, задрав хвосты кверху, так что им позавидовала бы гончая собака.

Здесь были и другие жеребята, которые бродили по лощине и пощипывали свежие побеги травы. И все они — и жеребята и телята — только недавно вышли из того беспомощного состояния, в котором сейчас находился Дымка. Но далеко не всем так повезло, как Дымке. Не всех в день рождения ласково встретило солнце, многие родились слишком рано, когда на земле лежал еще снег или до костей пронизывали холодные весенние ливни.

За несколько дней до того, как родился Дымка, его мать отбилась от своего табуна и спряталась в укромном месте, куда, она знала, не заглянет ни бык, ни лошадь, ни всадник. Немного спустя, когда Дымка будет тверд на ногах, она

вернется снова к своим, теперь же ей хотелось быть одной со своим жеребенком.

Мать Дымки была настоящей лошадью прерий. Кровь мустангов и рабочих ковбойских коней билась в ней.

В холодные дни, когда прерия тонула в снегах, она находила высокие хребты, где сильные ветры не давали держаться снегу и можно было найти корм. Если засухи выжигали траву и вылизывали воду из водоемов, она вынюхивала воздух и пускалась через родную долину к отрогам высоких гор, где всегда можно было напиться. В этих краях бродили кугуары — горные львы — и волки, но чутье мустанга было ей верной защитой. Она вовремя обходила то место, где подкарауливал ее горный лев, а волку никогда не удавалось загнать ее в засаду.

Дымка унаследовал от матери это чутье, но в то тихое весеннее утро ему нечего было бояться, с ним была его мать, а перед ним самим стояла трудная задача, как устоять на длинных, расплзающихся во все стороны ногах, а это требовало смекалки.

Прежде всего нужно собрать их вместе — это он делал легко, — потом передохнул и напряг все силы. Опять понюхал землю, чтобы проверить, где она, и вот наконец поднял голову, вытянул вперед передние ноги. Задние ноги были еще подобраны

под живот. Дымка перелил в них все свои силы, всю свою тяжесть перенес на передние — и встал, потому что, на счастье, между ногами оказалось равное расстояние. Теперь оставалось только крепко держать эти ноги и не давать им сгибаться. Не так-то легко было сделать это, потому что, вставая, Дымка истратил все свои силы, и проклятые длинные ноги ходили ходуном.

Пожалуй, все обошлось бы хорошо, но его мать заржала: «Ай молодец!» — и это сбило Дымку с толку. Он гордо вскинул голову кверху, забыл смотреть за своими ногами — и покатился наземь. Но пролежал он на земле недолго. То ли ему понравилось вскакивать на ноги и валиться снова, то ли его взяла досада — только он тотчас же встал снова и вот стоял не слишком твердо, но все же стоял.

Мать подошла к нему, обнюхала его, он понюхал ее и сразу принялся сосать. Это была его первая кормежка, он быстро набирался сил. От роду ему было полтора часа, а он уже держался на ногах.

Этот день был для Дымки полон событий. Он обследовал всю округу, открыл горы в два фута высотой, широкие долины в шесть или восемь футов в поперечнике, а раз даже убежал один на двенадцать футов от матери. Потом он налетел на скалу, у которой был очень красивый вид, и лягнул ее, пробегая мимо. Все это случилось сразу, и он

снова растянулся во весь рост, будто собою хотел измерить землю. Но это была не беда, он был очень счастлив и веселился вовсю. А когда солнце садилось за синие отроги гор, Дымка прозевал всю красоту первого в его жизни заката: он снова лежал, вытянувшись во всю длину, но на этот раз по доброй воле, и крепко-крепко спал.

Ночь могла бы поспорить с ушедшим днем: звезды высыпали часто, и каждая старалась перещеголять своим блеском других. Охотники гнали стадо буйволов вокруг Большого Ковша — водоема в Краю-счастливых-охот. Но Дымка ничего не видел, он все еще спал, утомленный приключениями первого дня своей жизни, и, может быть, спал бы еще долго, если бы мать, оберегавшая его сон, не подошла слишком близко и нечаянно не наступила ему на хвост.

Дымке, наверное, приснился дурной сон, может быть, прирожденный инстинкт нарисовал в его уме врага, похожего не то на волка, не то на медведя, — врага, который прижал его к стене. Во всяком случае, едва он почувствовал, как прищемился хвост, он прынул на ноги, готовый дорого продать свою шкуру. Он носился вокруг матери, круг за кругом, и все искал врага, который потревожил его сон. Так он бегал, пока не очутился в тени у материнского бока, здесь была безопасность, и он сразу забыл об обиде и

вспомнил о том, что хочется есть. Теплое молоко потекло ему в рот.

На востоке небо светлело, звезды поблекли. Охотники за буйволами ушли на покой, несколько часов прошло с тех пор, как Дымке привиделся враг, и он спал уже снова. Он проспал свой первый закат солнца, проспал и первый восход. Ему нужно было набрать силы для нового дня, чтобы отправиться в дальний путь.

Он спал не шевелясь до тех пор, пока не стало пригревать солнце. Тогда у него шевельнулось одно ухо, потом другое. Он глубоко вздохнул и вытянулся. Потом сразу ожил и глянул на мать. Мать заржала. Дымка поднял голову и попытался встать. Это ему удалось, он выгнул шею и потянулся. День начался.

Начался этот день с того, что мать накормила Дымку, потом, щипля траву, она двинулась по направлению к кучке деревьев в миле или около того к югу. У этих деревьев протекал прозрачный ручей, а Дымкиной матери больше всего на свете хотелось сейчас воды. Она изнывала — так ей хотелось напиться студеной воды, но шла вперед медленней медленного. То и дело она останавливалась и ждала, пока Дымка догонит ее да еще по пути обнюхает и осмотрит каждую былинку и каждый комок земли.

Маленький крольчонок выскочил прямо у

него из-под носа, постоял мгновение, не смея бежать, потом сиганул между длинных ног сосуна и скрылся в норе. Дымка ни разу на своем веку не видал еще кролика, не знал, бежать от него или нет. Он ведь вообще ни разу в жизни еще не бегал, а ему так этого хотелось, но повода не было. Наконец причина нашлась.

Стебли высокой сухой травы защекотали ему брюхо, он фыркнул и поскакал.

Его длинные ноги смыкались и размыкались, он рад был тому, что так быстро бежит. Он стал носиться кругами возле матери, а потом полетел в сторону, прямо противоположную той, куда ей хотелось. Она заржала и терпеливо остановилась, ожидая его.

Когда он подбежал к ней, и вскинул копытца, и фыркнул, и захрапел, видно было по нему, что это будущий дикий конь.

Часа два ушло у них на то, чтобы добраться до ручья. Мать долго-долго пила холодную вкусную воду, потом перевела дух и еще раз попила. Дымка ткнулся носом в воду, но пить не стал, покамест трава для него была, чтобы бегать, вода — чтобы взбивать серебряные фонтаны брызг.

Весь этот день они провели у ручья. То-то было у Дымки приключений! В те часы, когда он не спал, сколько пней было в тополевой роще, которых можно было пугаться, от которых можно

было бросаться прочь очертя голову!

Но были здесь звери пострашнее пней — их-то Дымка и не заметил. К примеру, большой койот из-за кучи валежника не спускал с него глаз. Не то чтобы ему было интересно смотреть, в нескольких шагах от него, он бросился прочь, не быстрее, чем мог бежать за ним любопытный жеребенок. Ему надо было заманить жеребенка за гребень холма, подальше от материнских глаз.

Дымке это понравилось. Ему хотелось понять, что это за серо-желтое существо, которое тоже умеет бегать, хотя оно ничуть не похоже на него самого или его мать. Правда, чутье предупредило его об опасности, но любопытство было сильнее. Они успели скрыться за холмом, прежде чем Дымка наконец понял, что дело плохо.

За холмом койот повернул назад и молнией ринулся к горлу Дымки. Кровь мустанга, многих поколений мустангов, которые бились с волками и кугуарами, текла в жилах Дымки, и это спасло его. Он метнулся вбок и прыгнул вверх, ударив обеими задними ногами о землю. Зубы койота только скользнули по коже под его челюстью. Но до избавления было еще далеко, и, брыкнувши ногами, Дымка почувствовал тяжесть койота и острую боль в поджилках. Громкий, истошный крик ужаса вырвался у него, и тотчас же послышался ответ.

Мать взлетела вверх по холму, окинула

взглядом склон и с прижатыми ушами, оскаленными зубами, точно комок огня, ринулась в битву.

Ключья желтой шерсти полетели по ветру, и борьба мгновенно превратилась в погоню. Койот несясь впереди, всем телом чувствуя близость страшных зубов, пока не скрылся за дальним холмом.

Дымка рад был теперь вернуться с матерью к ручью. Он не шарахался в сторону от пней, мимо которых они пробегали, и не бросался играть, когда ветка щекотала ему брюхо: он проголодался и устал. Когда он наконец добрался до молока и насосался вволю, он не стал выбирать места, где бы растянуться всем своим утомленным телом. Тоненькая струйка крови запеклась на задней ноге, но укус не болел, Дымка сладко спал и, может быть, видел во сне пни — желто-серые пни, которые умеют бегать.

Когда наутро вошло солнце, Дымка был уже на ногах. Он наверстывал потерянное время. Он улегся на землю и заснул так крепко, что даже солнце, глядевшее сквозь липкие молодые листья, не смогло разбудить его. Только вздрагивавшее порой ухо показывало, что жеребенок жив.

Весь день его было не видно, не слышно. Изредка он вставал пососать и тотчас же снова в растяжку ложился на теплую землю. Только на

другое утро он снова почувствовал себя маленьким диким конем.

Таким сильным он никогда не был еще. Он видел теперь гораздо дальше, чем прежде: мог оглядеть половину пространства, которое охватывала взглядом его мать. Она первая увидела табун лошадей, идущих на водопой. Дымка услышал, как она заржала, и удивился, почему она ржет: ведь он был рядом с нею и некого было ей звать. Но скоро до его слуха донесся топот, он повернул уши на звук и через миг увидел лошадей. Он даже вздрогнул — так все они были похожи на мать.

Мать ожидала приближения табуна, наостривши уши, едва передние увидели Дымку, все взволновались, сгрудились вокруг, чтобы рассмотреть и приветствовать новенького сосуна. И тут мать прижала уши к голове. Это было предупреждение — никто не подходит слишком близко!

При виде стольких родичей у Дымки затряслись колени, он, робея, приткнулся к материнскому боку, но голову вытянул как только мог, чтобы разглядеть их получше. По блеску его глаз было видно, что он рад неожиданной встрече. Он потерялся ноздрями с чужим стригуном, который был посмелее других и подошел совсем близко, а когда мать куснула стригуна, Дымке и самому

захотелось потешиться, и он тоже щипнул его.

Первое знакомство отняло не меньше часа, и мать все время стояла на страже. Она не столько боялась, что кто-нибудь обидит ее Дымку, сколько хотела с самого начала показать, что это ее жеребенок и что всякий обидчик будет иметь дело с нею.

Все ревновали его и дрались между собою за то, чтобы идти рядом, не спорили только с его матерью, потому что все признавали за ней это право. Молодым и старым кобылам, стригунам и старым коням — всем хотелось бежать бок о бок с Дымкой, играть с ним, заботиться о нем. Но старый гнедой верховой конь, который был вожаком табуна, показал им, что он, и никто другой, будет телохранителем Дымки. Он рассыпал удары копыт, посадил несколько шишек на ребра, оставил следы зубов на гладких шкурах, окинул взглядом стадо и, убедившись, что место за ним, не спеша и щипля траву, двинулся к Дымке и к Дымкиной матери.

В табуне, кроме Дымки, было еще три сосуна, и всякий раз, когда один из них появлялся на свет, этот конь отгонял всех других лошадей и занимал почетное место. Сейчас самым младшим был Дымка, и снова старый гнедой настоял на своем праве. Жеребец весь был покрыт шрамами, на спине у него были следы седла, — когда-то он был прекрасной ковбойской лошастью. Теперь он

доживал свой век и был свободен от работы. Выбирать хорошие пастбища на зиму, тенистые места и самую нежную зеленую траву летом — вот все, что ему оставалось в жизни. А весной его главной утехой были маленькие сосуны.

Дымкина мать была молода, по крайней мере лет на десять моложе гнедого, но гнедой по сравнению с ней казался жеребенком, когда дело доходило до игры. Когда Дымка играл с нею, брыкал или кусал ее, она не отвечала ему и только порою осаживала его, если он заходил слишком далеко. Она любила Дымку всем сердцем, и главной ее заботой было иметь довольно молока, чтобы Дымка не захирел. Ей некогда было играть.

Дымка быстро сдружился со старым конем, и скоро уже Дымка лягал его, а гнедой легонько, осторожно покусывал его, потом пускался бежать, и жеребенок рад был гнать громадного конягу из конца в конец прерии.

Дымкина мать поглядывала на них, но никогда не вмешивалась в их игру. Только когда Дымка прибегал к ней уставший или голодный, она прижимала к голове уши, предупреждая гнедого, чтобы он держался в стороне.

Несколько дней прошло, прежде чем старый конь стал подпускать к Дымке других лошадей. Сперва старик пробовал отгонять их, но это был напрасный труд, потому что он не мог удержать на

месте Дымку. Ему оставалась только смотреть, чтобы его никто не обидел. Но никому и на ум не приходило обижать жеребенка, похоже было на то, что Дымка сам задирает всех встречных.

Дымка озоровал и оставался общим любимцем добрых две недели, а через две недели вдруг появился новый малыш, соловый сосун двух дней от роду. О Дымке сразу забыли, и он принял участие в таком же волнении, какому недавно сам был причиной.

Старый гнедой снова завоевал себе место в сердце пришельца и не думал уже больше о Дымке. Дымка несколько не огорчился этим, он продолжал играть со всякой лошадью, которая готова была терпеть его возню, скоро он пристал к молодой кобылице, а потом сдружился с другими жеребятами. С этого времени ему стало привольней, он мог пускаться вскачь без стариков провожатых, но он никогда не уходил далеко, а если это и случалось, он возвращался к своим куда поспешней, чем скакал прочь.

Весенние дни баловали Дымку. Он узнал пропасть новых вещей, узнал, что трава вкусна, а воду приятно пить, когда жарко. Он снова видел койотов, и чем больше он подрастал, тем меньше боялся их, а потом осмелел и вовсе стал гоняться за ними, где только увидит.

А раз он наткнулся на другого желтого зверя.

Он не казался опасным. Дымка не мог понять, что это за зверь, и хотел это выяснить. Он шел за ним до самой ивовой заросли, и было чудно, что зверек совсем не спешит убежать, он спокойно пробирался в траве, и Дымка собрался было потрепать его малость копытом, но тот юркнул под иву — снаружи остался один лишь конец хвоста. Дымка понюхал, хвост зверька едва шевелился, опасности не было видно, он шагнул к нему ближе и снова понюхал. Тут оно и случилось: Дымка захлебнулся и визгом и храпом, потому что ему в морду воткнулось с полдюжины длинных игл дикобраза.

Но Дымка отделался счастливо, — сунься он чуть-чуть поближе, иглы истыкали бы ему морду до глаз, засели бы так глубоко, что морда бы вспухла, нельзя было бы есть, и он мог бы подохнуть с голоду. А эти несколько игл только оцарапали ему морду — и это был новый урок.

Прошло несколько дней, и Дымка встретил еще одно странное животное, вернее, странных животных, потому что их было много. Мать была тут же, и сам он почему-то их не боялся. Дымка выбрал среди незнакомцев самого маленького и поскакал к нему. Тот, видимо, тоже не испугался и подпустил жеребенка к себе совсем близко...

Оба они были молоды и не знали, что будут встречаться на своем веку десятки и сотни раз — и на «объездах», и в «ночных стражах», и в «дневках»

— по горячим пыльным и длинным дорогам. Ковбой, сидя верхом на Дымке, будет гнать по дороге целое стадо таких незнакомцев, какого сейчас с любопытством и удивлением рассматривал жеребенок. Тогда это будут взрослые быки и коровы, и другие телята заступят их место, когда Дымка пригонит их к погрузочному пункту.

II. Дымка встречает человека

Долгие весенние дни, а за ними теплые дни середины лета стерли следы снега отовсюду, кроме самых высоких вершин и самых глубоких и узких каньонов. По верхам устояли еще против солнца обледеневшие снеговые горбы, сутулившие теневые склоны скалистых утесов и питавшие влагой ключи и ручьи, которые бежали к равнинам.

Здесь, наверху, трава была зеленее, мухи жалили не так нещадно, здесь всегда веяло прохладой, а порою дул сильный ветер. И всего прохладнее было в тени скрюченных сосен, разбросанных по всему краю, где бродили Дымка, его мать и весь табун.

Дымку теперь было не узнать. Игра на крутых склонах, где копыто скользило и шаг был нетверд, укрепила его ноги, прогнала шаткость и валкость, ноги плотнее пристали к телу, округлились и стали ему впору — не то что в первые недели, когда он

бегал на них, как на ходулях. С копыт давно сошла мягкая розовая скорлупа, они стали серого, стального цвета и твердыми, как сама сталь. Когда он срывался с места и несся вниз по скалистому каньону, перелетая через камни и пни, его прыжки были так же быстры, как прыжки горного козла, хоть и менее верны.

В одну из этих диких прогулок, карабкаясь по склону горы, Дымка едва не наскочил на бурого зверька, который спал, свернувшись калачиком, на большом пне. Дымка замер на мгновение, зверек с ворчанием плюхнулся наземь и пустился наутек.

Дымка не долго раздумывал, остаться ли ему на месте, повернуть ли назад или припустить за зверьком и выяснить, как и что. Нагнув шею, он бросился по следам мохнатого малыша. Он несся по валежнику, перелетая через лужи, нырял под ветвями. Он настигал и продолжал бы мчаться хоть до самого края света, когда в самый разгар погони справа послышался треск и шум, будто неслась лавина. Еще мгновение — и большая круглая бурая голова вынырнула из копны сломанных веток и кустарника. Дымка увидел два маленьких горящих глаза и длинные сверкающие клыки. Грозный рев потряс горы. Дымка взрыл землю копытами и бросился вспять.

Его сердце готово было выскочить, когда он вырвался из леса на открытое место, он не мог взять

в толк, как это маленький комочек меха превратился в бешеный ураган. Ему не приходило в голову, что у мохнатого малыша, как и у него, была мать.

Но Дымка учился быстро, и на собственном опыте и от матери он узнавал обо всем, что было в лесу и на равнинах. Так однажды у подножия гор мать шла впереди, а он плелся за нею по пыльной раскаленной дороге к прохладным, тенистым местам. Вдруг послышался звук трещоток, и мать бросилась с тропинки в сторону, как подстреленная. Дымка невольно рванулся за ней, и вовремя, потому что слева, в каком-нибудь футе от дороги, извивался жгут, который вскинулся вверх и просвистел мимо его голени. Дымка стоял на приличном расстоянии и, храпя, смотрел, как жгут снова свился в пружину. На этот раз ему не захотелось сунуться ближе и обнюхать грязно-желтую гадину. Мать заржала, в ее ржании было предостережение, и Дымка снова взглянул на змею. Теперь он зарубил урок на носу и в другой раз, услышав звук погремущки, отпрянул бы мгновенно, как мать.

Коротко говоря, Дымка набирался ума, и при этом ему очень везло. Царапины — все, что доставалось ему при лазанье по горам, а царапины в счет не шли. Кожа на нем натягивалась все туже, а кровь, которая текла по его жилам, текла из

крепкого, стойкого сердца.

Маленькой лошади очень хотелось жить. Дымка старался ничего не пропустить в жизни. Если он слышал, что где-нибудь хрустнула ветка, он настораживал уши, а иной раз и шел на звук, чтобы выяснить, почему это ветка хрустнула так, а не иначе, он шел за барсуком, пока не загонял его в нору, он бродил вокруг дерева и смотрел, как спасается от него, распушив хвост, рыжая белка. Встречались и вонючки, но тут запах брал верх над любопытством, и он держался от них вдалеке.

Дымке случалось иметь дело со всеми дикими животными, какие водились в этих краях, кроме льва и волка. Его мать не заглядывала в те места, где бродили разбойники, и, если табуну случалось учуять их по соседству, он ударялся в бегство. Дымке пришлось повстречаться и с ними и даже повздорить, но это было позже, иначе мне, верно, не пришлось бы теперь рассказывать о Дымке.

Первое крупное событие в жизни Дымки случилось, когда ему исполнилось четыре месяца. Ничто не предвещало этого события — ни черное небо, ни грозные ветры, и в ту минуту, когда оно пришло, молодой жеребенок как раз отгонял с задней части своего тела нескольких надоедливых мух. Короткий хвост его работал, точно маятник, легкий ветерок колыхал его гриву и напевал колыбельную песню, пролетая сквозь ветви сосны,

укрывавшей тенью его мать.

Мать спала, спал и весь табун, и когда ковбой, ехавший вверх по каньону, заметил их, он понял, что может объехать табун стороной и очутиться над ним, прежде чем кто-нибудь подымет тревогу.

Так он и сделал, одна из лошадей почуяла его, подняла голову и захрапела. В мгновение ока табун проснулся и снялся с места. Вниз по каньону понесся табун, облако пыли, и вдогонку — ковбой.

Дымка не отставал, он скакал рядом с жожаком и в первый раз в жизни не думал о том, чтобы выяснить, кто позади. Он скакал изо всех сил — и только.

Хвосты развевались, когда лошади скользили по склону, перепрыгивали через скалы, перелетали через промоины. Сорванные глыбы расшибались о валуны, валуны срывали мертвые бревна. По горам загудел обвал. Но лошади и ковбой опередили его и первыми достигли дна каньона. Когда обвал докатился донизу и на десять футов завалил каньон валунами, стволами деревьев и землю, табун был далеко и несся уже в полумиле по холмам у края равнины.

Здесь, на равнине, облако пыли немного рассеялось. Дымка смог оглянуться назад и впервые увидел человека. По тому, как вела себя мать и весь табун, по тому, как они неслись, стараясь во что бы то ни стало уйти от него, Дымка понял, что это

какое-то особенное животное — животное, с которым лошади не приходится спорить и драться, животное, от которого только и можно спастись бегством.

Но, видно, и в бегстве не было спасенья, потому что всадник летел за ними по пятам, не отставая ни на шаг, пока не загнал их в широкие ворота большого бревенчатого кораля, Дымке показалось, что бревна кораля — это деревья, которые растут не вверх, а вбок. Дымка видел, что им не прорваться через эти деревья, он прижался потеснее к материнскому боку. Табун пустился вокруг по загону, большие ворота закрылись. Обезумевший табун вернулся назад и встретился с кривоногим, одетым в кожу, загорелым человеком.

Дымка вздрогнул, увидев, как это странное существо потянуло за собой лошадь — лошадь, которая была бы похожа на любую из их табуна, если б не странный кожаный горб у нее на спине. Потом человек, приблизившись к ней, снял со спины ее кожаный горб, лошадь встряхнулась и пошла к табуну и к Дымке.

Жеребенок понюхал ее потный бок, будто в этом могла быть разгадка тому, о чем он думал во время погони. Но запах еще больше сбил его с толку, и, отвернувшись от лошади, он уставился на существо, стоявшее на двух ногах.

Молнии часто сверкали в горах, где Дымка

провел это лето, несколько раз он видал там и пожары. Эти молнии и огонь были большой загадкой для жеребенка, и, когда он увидел, что человек сделал быстрое движение рукой и в руке у него оказался огонь, а потом дым пошел у него изо рта, — он совсем растерялся. Он стоял остолбенев и смотрел на человека... Потом та же рука, в которой был огонь, опустилась и подняла с земли кольцо веревки, сделала петлю, и человек направился к табуну. При этом движении табун понесся по коралю и поднял пыль. Дымка услышал свист веревки, пролетевшей мимо него, и петля упала на голову одной из лошадей. Лошадь остановилась, человек подвел ее к кожаному горбу, который лежал на земле, и взгромоздил этот горб ей на спину. Человек вскочил в седло, и тут Дымка впервые увидел, как борется лошадь с двуногим су.

Это было необычайное зрелище. Дымка не раз видал игры и драки товарищей по табуну, он и сам умел и брыкаться и прыгать, но никогда в жизни он не видел того, что выделывала под седлом эта лошадь. Он понимал, что лошадь борется, мечется изо всех сил своих, чтобы сбросить с себя седока. Дымка весь затрясся, когда услышал, как лошадь визжит. Он никогда не слышал, чтобы его родичи издавали подобные звуки, но он понимал их значение. Он и сам когда-то завизжал так, когда койот впился зубами ему в поджилки.

У Дымки горели глаза, он смотрел, как слабели прыжки лошади, как наконец она стала, человек спрыгнул на землю, открыл ворота и вывел лошадь наружу. Потом он снова запер ворота, сел в седло и ускакал с глаз. Только тут Дымка очнулся от столбняка и вздумал осмотреть место, в которое их загнали. Он потерял мордой о морду матери и пошел бродить по просторному коралю. Длинные пряди конских волос, попавших в расщепы бревен, говорили о том, что здесь уже прежде перебивало много лошадей, запах земли и клочки телячьих ушей, отрезанные при клеймении, напомнили Дымке беломордого теленка, которого он видел, когда ему было всего несколько недель.

Он собрался было с духом подойти и понюхать кожаные штаны, висевшие на воротах коралья, когда вдали показалось облако пыли, а под ним табун лошадей, которых гнали к коралю. Дымка увидел с десятков всадников и поспешно бросился к матери. Всадники загнали в ворота новый табун. Поднялись тучи пыли, весь кораль наполнился топотом, смятением, — в нем оказалось теперь около двухсот голов лошадей. Дымка рад был новому стаду: ему было спокойней, ему легче было спрятаться в таком большом табуне, он всегда мог забиться в гущу так, чтобы хоть несколько лошадей было между ним и двуногими существами.

Он прятался как только мог, пока табун

носился по коралю. Потом, глянув между ногами других лошадей, он увидел, что по ту сторону забора разложен огонь и большие железные брусья пропущены между бревнами загородки, так что один конец их прямо в пламени. Тут снова в корале поднялась тревога, лошади носились вдоль забора и храпели. Многих перегнали в другой кораль, и здесь осталось голов пятьдесят, по большей части все молодые жеребята, вроде Дымки, и несколько старых, спокойных кобыл.

Теперь спрятаться было негде, и когда кривоногие люди распустили мотки веревок и петли засвистали над головой как пули, ужас наполнил сердце Дымки. Он слышал, как визжали другие жеребята, когда их ловили, сваливали наземь, связывали. В нем дрожал каждый мускул.

Он делал все, что мог, чтобы держаться в самом дальнем конце коралья, но казалось, эти существа повсюду и нет такого места, куда не достали бы их веревки. При одной из отчаянных своих попыток убежать прочь Дымка услышал свист веревки, — точно змея, она обвилась вокруг обеих его передних ног, он испустил стон и через секунду уже лежал на земле со связанными ногами.

Дымке показалось, что пришел конец света, когда он ощутил прикосновение человека. Он увидел, что одно из этих созданий бежит к нему с раскаленным бруском, почуял запах горящих волос

и кожи — это горела его собственная кожа, — но он не почувствовал ни жара, ни боли, потому что находился в таком состоянии, когда каленое железо не страшней прикосновения человеческой руки. Но всему приходит конец — и хорошему и плохому, — и скоро веревки упали с его ног, все миновало. Дымка вскочил и бросился к табуну. На гладкой шкуре его была метка — метка на всю жизнь, не смываемое ни водой, ни годами тавро.

Отныне он принадлежал компании.

Неистовая радость обуюла всех — и Дымку и других жеребят, — когда таврение было окончено. Табун снова собрался в одном корале, ворота корала были открыты, и снова все были свободны.

Дымкина мать двинулась первой. Оба табуна — и старый и новый — тоже не заставили себя ждать и направились к подножию холмов. На другой день лошади были уже на плоскогорьях, и вчерашнее было забыто всеми, кроме Дымки и прочих жеребят. Жеребята не успели еще забыть корала потому, что для них это было совершенно ново, и еще потому, что у каждого из них было по памятке — по свежему, ноющему тавру.

Но время бежало. Новые события отвлекали внимание Дымки, приключение с коралем стиралось из его памяти, как дурной сон, ожог зажил быстро — осталось аккуратное клеймо.

Пришла осень, небо затянулось облаками,

дожди похолодали, и всякий раз, когда прояснялось, усиливалась стужа. Солнце поднималось уже не так высоко и грело все меньше. Когда после нескольких ясных морозных утр снова затуманилось небо и ветер запорошил землю снежком, табун начал спускаться с гор ниже и ниже, пока не достиг подножия холмов, а там и равнины. Пора было перебираться на зимние пастбища. Зимние пастбища находились у низких отрогов, подымавшихся посреди прерии и в глубоких оврагах с густыми зарослями тополей и ивняка. Здесь можно было укрыться от непогоды, когда холодные северные ветры и воюющие бураны загоняли все живое по норам. Травы были тут высоки, и до них всегда можно было добраться копыту. В тихие зимние дни, когда выглядывало солнце и стихал ветер, табун мог выйти из своего убежища и отыскать по склонам места, с которых ветры слизывали снег и где трава оставалась на виду.

При переходе по открытым равнинам и здесь, на зимних пастбищах, Дымкиным глазам, ушам и ноздрям было много работы. Столько нового, к чему можно было присмотреться, прислушаться и приняться! Все его чувства были напряжены, как струна. Дымка радовался, когда выпал первый снег. Он падал на плечи, на круп, Дымку же подмывало прыгать и резвиться. Прерия стала бурой, потом

побелела, теперь не приходилось больше прятаться в тень. Морозы были Дымке не страшны, он успел сменить свою гладкую шерсть на более толстую и теплую, подбитую слоем жира, густая, горячая кровь не застаивалась в его жилах, и он мог спорить со снегом и стужей, только когда с севера через горные хребты переваливали бураны, он искал, где бы укрыться от вьюги.

В эту зиму он стал уже рыть копытами снег, отыскивая корм, потому что еще несколько месяцев назад он заметил, что ему не хватает одного молока, потом молоко для него стало лакомством, а потом мать дала ему понять, что он отлучен. Спорить с ней не приходилось, и Дымка стал отыскивать траву, как взрослая лошадь. Он глотал снег и мог обходиться без воды так же долго, как и все в табунах, если в самую лютую зиму он и спал немного с тела, этого не видеть было под толстой шерстью.

В долгие зимние месяцы его выручало то, что он сохранил еще некоторые из своих привилегий. Если взрослая лошадь докапывалась до места, где особенно много было травы, он прогонял ее оттуда. Бывало, он грозно прижмет к голове уши, оскалит зубы, лягнется, и большая лошадь, прикинувшись, будто напугана до смерти, поспешно убежит прочь от «страшного» Дымки. Из всего табуна только одна лошадь его не боялась. Дымка, бывало, рылся

с ней в одной яме, иной раз захватывал клочок травы прямо у нее из-под носа, но никогда не отгонял ее прочь. Это была его мать.

Метели выли в ущельях, сугробы заносили овраги, а Дымка проводил зимнее время так же беззаботно, как прожил лето. Конечно, немало энергии у него уходило на то, чтобы докопаться до корма, но достаточно сил оставалось у него и для игры. Часто, когда весь табун взрывал копытами снег, ища траву, Дымка подымал пляски, взметал облака снежинок, каждая жилка ходила в нем ходуном. Другие жеребята подхватывали игру, и скоро молодежь скрывалась за сверкающей белой завесой.

Так проходила зима, и никакие события не нарушали покоя и мира этих мест. Лишь однажды на горизонте показался всадник. Его увидел один только Дымка, который забрался в сторону от табуна. При виде этого всадника Дымка вспомнил веревки, кораль, прикосновение человеческих рук — и пустился назад к табуну.

Наконец показали первые признаки весны. Дымка не оценил их сначала. Теплые ветры, от которых таяли по склонам снега, разобрали и его: он размяк и ослаб, в первый раз в жизни не стало у него охоты резвиться и прыгать.

Несколько недель спустя из прогретой земли местами полезла трава. Молодой зеленый корм

пришелся Дымке по вкусу, он теперь не хотел и смотреть на сухую отаву. Целыми днями бродил он, ища первых побегов травы. Их было мало, и он понемногу тощал.

Отощал и весь табун: никому в горло не лезла отава. Природа знала свое дело: к теплу лошадям нужно было попустить жиру.

Жир поубавился, вялость прошла, а тут и травы стало вволю — и на отрогах, и на равнинах. Лошади катались по земле и оставляли на ней ключья длинной зимней шерсти.

С первыми весенними днями Дымкина шерсть побурела, а теперь, когда погода стала потеплей, в тех местах, где вылез зимний наряд, показалась новая масть. От прошлогодней вороной шерсти не осталось и следа. Дымка был теперь «мышастой масти», разве что еще потемней. Сильней всего изменился цвет на боках и ушах, но только к зиме Дымка окончательно переменял окраску и превратился в лошадь пепельно-мышастого цвета.

Голова его и ноги были немного темнее тела, с вороным отливом, а на морде светилась узкая белая отметина. Это был красавец, которого, раз увидав, нельзя было забыть, он был безупречен, с какой бы стороны ни взглянуть на него.

Весенние дожди проносились и уходили, и каждый раз, освеженная влагой, трава подымалась выше, солнце пригревало теплее, и порой

выдавались настоящие жаркие дни.

В один из таких жарких дней Дымкина мать исчезла. Дымка вздремнул в тени у ручья, потом долго пасся и только тогда заметил, что она ушла. Табун теперь возвращался на летние пастбища и стоял у подножия высоких гор. Широкая равнина внизу лежала как на ладони, но Дымка не нашел и следа своей матери. Он долго скакал вокруг табуна, ржал и искал ее. И все напрасно.

Еще раз окинул он взглядом равнину и, пофыркивая от удивления, снова принялся щипать траву. Он был не очень испуган, будто знал, что матери необходимо исчезнуть. Он не стал хуже спать, хуже есть и играть с ее уходом, — все шло так же, как и прежде, подросший жеребенок становился глаже день ото дня.

Однажды утром старый верховой конь, который все еще был в табуне, насторожил уши, заржал и поскакал к равнине. Ему навстречу бежала лошадь, а рядом с ней — черная точка. Дымка и весь табун остановились и обернулись к равнине. Скоро Дымке показалось, что эта лошадь ему знакома, но его озадачила движущаяся рядом с нею черная точка. Дымка вскинул голову и пустился вскачь, чтобы выяснить, в чем дело.

Он звонко заржал, подбегая к матери: черная точка оказалась блестящим вороным жеребенком на шатких, непослушных ногах. Малыш оробел, когда

увидел незнакомых больших лошадей. Дымка так и прилип к своему братишке, и его матери пришлось прижать к голове одно ухо, будто она хотела сказать: «Осторожней, сынок!» Но Дымка и без того был осторожен, и когда мать направилась в табун, он побежал рядом с малышом, а старый конь оберегал их сзади. С той поры Дымка стал в табуне вторым.

III. Разные пути

Лето было в разгаре, дни были горячи и тихи. Даже на самых высоких отрогах, где не сошли еще снега, стояла жара, солнечные лучи падали отвесно, и утесы не бросали тени. Здесь по узкой горной тропе цугом тянулся маленький табун лошадей. В голове шла Дымкина мать, новый вороной сосунок сейчас же за ней, потом мышастый стригун с отметиной на морде — Дымка. А позади старый гнедой с десятком лошадей — остальная часть табуна.

Они шли, казалось, без всякой определенной цели. Они проходили под ветвями погнутых ветрами деревьев, не задерживаясь в их прохладной тени, мимо студеной ручьев, мимо длинных стеблей травы, которые росли здесь повсюду. Мимо и мимо бежали лошади, нигде не останавливаясь. Тому, кто посмотрел бы, как стремится вперед